

чтобы дерево подсохло, находим гл. **čъrхlati*, образование с *l*-суффиксальным, производное от гл. **čъrхati*, представляющего собой результат имперфективации первоначального гл. с основой **čъr-*, расширенной *-s* с закономерным переходом *s > x*:ср. ст.-польск. *czyrchlić, czyršlić* ‘ободрять кору около пня, чтобы дерево засохло’ (1403 г., Мазовия), более поздние *czerchlić, oczerchlić* с тем же значением, польск. диал. *czerchlić* ‘корчевать’, *oczerchlić, obcyrklić, obcyrlić* ‘снять кору с дерева, чтобы оно засохло’, слвц. диал. *črhlit* ‘срубить, срезать дерево’, *črhlili*, *čršlii* ‘корчевать лес’, отсюда – ст.-польск. *czyršl* ‘лес, в котором высохли деревья после подрезания коры’ (1407 г.), польск. диал. *cyrła, cурхла, cyrkla : cerkla* ‘поляна, возникшая на месте высохших и срубленных деревьев; луг в лесу’, а также словац. диал. *črchlisko, črchl'isko* ‘поле, полученное путем корчевания леса’, с.-хорв. стар. *Crla*, название села и т.п. (SP 2: 161, 248; ЭССЯ 4, 147).

В своем исследовании автор выявляет разную хронологическую глубину изучаемой терминологии, уделяет особое внимание связям с неиндоевропейскими языками, тем самым демонстрирует преемственность и непрерывность в развитии культуры земледелия, зародившейся на ближнем Востоке.

Л.В. Куркина

В.А. Маслова. Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Книга состоит из предисловия, введения, двух разделов, делящихся на главы и подтемы, заключения и дополнений. Книга снабжена добрыми указателями (именным, предметно-терминологическим, слов и некоторых их форм).

В авторском предисловии заявлено, что в центре внимания данного учебного пособия находятся *фонетические процессы* протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка. Фонетические процессы протославянского диалекта описаны в пособии на фоне подобных процессов в других диалектах праиндоевропейского языка. *Архетипы реконструированы на основе закономерных звуковых соответствий*. Реконструкция архетипов и фонетических процессов дается с учетом различных научных концепций, степени типологической вероятности и признания неединственности лингвистических решений.

Во введении автор разделяет концепцию О.Н. Трубачева и рассматривает индоевропейский прайзывк как фон и предысторию праславянского, который представляет свою собственную эволюцию индоевропейского лингвистического типа, отличную от балтийской. Исходя из этой концепции “самобытного генезиса праславянского в качестве индоевропейского диалекта (или группы диалектов)”, автор полагает, что *истоки фонологической системы праславянского языка образовались в протославянском диалекте праиндоевропейского языка*. Здесь же рассматриваются термины лингвистическая реконструкция, внешняя и внутренняя реконструкция, архетип, относительная хронология.

Автор не берется точно датировать появление или выделение протославянского диалекта из индоевропейского прайзывка ввиду собственных непрерывных индоевропейских истоков славянского. Тем не менее, с учетом особых древних языковых контактов протославянского с палеобалканскими и пралатинским диалектами, можно говорить о III-II тыс. до н.э. как времени бытования протославянского диалекта.

Конечный период существования протославянского диалекта автор датирует вслед за О.Н. Трубачевым эпохой железа (первой половиной I тыс. до н.э.) и временем богословских нововведений Ирана (VI в. до н.э.) на основе балто-славянских и славяно-иранских культурно-языковых контактов. Для автора “аргумент железа” является лингвистическим показателем начала собственно праславянского периода (мы бы уточнили – раннепраславянского).

Раздел 1. Реконструкция фонологической системы протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка состоит из трех глав, посвященных теории и результатам лингвистической реконструкции, содержит необходимый и достаточный материал. Поэтому несколько удивляет возврат к теории реконструкции на с. 121.

Глава 1. “Система консонантизма протославянского диалекта, унаследованная им из позднего праиндоевропейского языка” подробно описывает подсистему смычных согласных фонем позднего и.-е. праязыка в соответствии с традицией классического индоевропейского языкоznания.

Автор рассматривает проблему реконструкции глухих придыхательных согласных в протославянском диалекте. Сопоставления праслав. *rěna и др.-инд. *phēna-* то же, *ruxnqtī и арм. *phukh* ‘дыхание, дуновение’, *palica и др.-инд. *phálakam* ‘доска, бруск’; **pqt̥* и др.-инд. *pánthā-* ‘дорога’, *mētq ‘привожу в смятение’ и др.-инд. *mánthati* ‘двигает’, **kqf̥t̥* и др.-греч. *χαυθός* ‘уголок глаза’ позволяют прийти к выводу, что и.-е. *ph* > праслав. *p*, и.-е. *th* > праслав. *t*. Автор обходит проблему рефлексов и.-е. *kh* в праславянском, возвращаясь к ней еще раз на с. 240 и сл. А такая проблема имеется, причем сложная. Она возникает при попытке толкования праслав. **sqk̥t̥* и *soxa, **soxat̥* (ср. др.-инд. *çankūs* ‘острый колышек, деревянный гвоздь, кол’ и *çakhā* ‘ветвь, сук’). Если настаивать на исключительно славянской природе слова *soxa*, то придется признать развитие и.-е. *-kh-* в праслав. *-x-*. А в том случае, если *soxa* есть старое заимствование из иранских языков (как в гидронимии *ханъ*, *ханъ* восходит к **khanī-* ‘выкопанный колодец’), это слово не может иллюстрировать рефлекс и.-е. *kh* в праслав.

Далее в том же духе следует рассмотрение проблемы реконструкции звонких придыхательных в праслав. диалекте с подробным изложением различных точек зрения. Автор принимает гипотезу, согласно которой, согласные типа *bh*, *dh*, *gh* были в праславянском диалекте звонкими придыхательными фонемами. В заключение автор приходит к выводу, что реконструкция звонких придыхательных в праславянском диалекте позднего и.-е. праязыка на основе их дальнейших рефлексов в языках-потомках предполагает, согласно фонологической типологии, реконструкцию и глухих аспиратов в данном диалекте.

Мы не можем согласиться с данным выводом. Мы убеждены в том, что уже в праславянском диалекте придыхательных согласных не было вообще, так как их происхождение связывают с эволюцией и.-е. просодии. Согласно результатам лингвистических исследований второй половины XX в. нам представляется вполне правдоподобным, что и.-е. проязык в период его постепенного выделения из первобытной языковой непрерывности и автаркизации обладал в общем силлабо-морфемным строем с силлабо-фонемной структурой типа *ba-da-ga-*, двумя рядами смычных по способу артикуляции звонких и глухих согласных (*b*, *d*, *g* – *p*, *t*, *k*), одним рядом заднеязычных (*g* – *k*), имел четыре тона (высокий ровный, низкий ровный, высокий глottализованный, низкий глottализованный) и два различительных просодических признака (высота и сила тона – *high-level*) и ларингализацию (фарингализация – *knock-laut*).

Смещение первого признака на уровень слова обусловило формирование подвижного словесного ударения¹, смещение его на уровень консонантных фо-

нем породило “сильные согласные звуки”². *Передвижение просодического (второго?) различительного признака на уровень согласных фонем вело к возникновению придыхательных согласных*³, а смещение его на уровень гласных обуславливало появление ларингалов, а позже – долготы гласных.

Но второй контурный / ларингальный признак вызвал аспирированность согласных только в протогреческом и протоиндоарийском диалектах и.-е. праязыка. В протобалтийском и протославянском (и, кажется, протоиранском) диалектах и.-е. праязыка оба различительных просодических признака остались на просодическом уровне; первый признак перешел на уровень слова, сформировав акцентный контур слова, а на консонантный уровень не подействовал (сохранились два ряда согласных).

В этой же главе автор затрагивает проблему статуса билабиальной звонкой смычной фонемы *b и реконструирует ее в праслав. *bol'ъjь, *bol'ъši, *bol'e; *bqbaltъ, *bqbarg, bqbъlpъ, *bqbati, *ablъko, *slabъ.

Далее в пособии рассматривается подсистема смычных согласных фонем позднего праиндоевропейского языка в соответствии с “глottальной теорией” (вариант Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова как реинтерпретация традиционно реконструируемой системы и.-е. смычных); дистрибуция аллофонов фонем звонкой и глухой серий (новая интерпретация законов Грассмана и Бартоломе); диахроническая выводимость системы трех серий смычных в исторических и.-е. диалектах (новое осмысление закона Грима).

Давая оценку “глottальной теории”, автор пособия полагает ее “типологически не безупречной”, В.А. Маслова не обнаруживает “веских аргументов для исключения звонкой фонемы *b” из подсистемы смычных праиндоевропейского языка, а ныне синхронно наблюдаемый и “живой статус передвижения согласных в германских языках” (датский) серьезно ущемляет, по её мнению, концепцию и.-е. архаичности этого явления.

Приступая к обсуждению проблемы количества рядов гуттуральных в праславянском диалекте и.-е. праязыка, автор излагает гипотезы, различающие три, два и один ряд гуттуральных, привлекая многочисленные цитаты из работ приверженцев данных гипотез. Подсистема смычных фонем праславянского диалекта, реконструируемая в пособии, включает глухие и звонкие придыхательные фонемы, звонкую лабиальную фонему *b и два ряда гуттуральных фонем (без палатализованного ряда). Последнее не логично: правильнее было бы говорить о трех аллофонных рядах одного гуттурального ряда фонем.

Подсистема фрикативных согласных позднего праиндоевропейского языка состояла, согласно пособию, из единственной фонемы *s, слабо включенной в систему, но высокочастотного употребления. Данная фонема только примыкала к корреляциям звоки–глухие, гуттуральные–негуттуральные, лабиальные–нелабиальные. При этом характер аллофонного варьирования фонемы *s определялся фонологической системой, поэтому в пособии реконструируются несколько аллофонов *s: звонкий *z и лабиальный *s⁴.

Круг лексем с аллофоном *z < и.-е. *s в позиции перед звонкими согласными, приведенный в пособии, невелик. Это праформы *mazgъ < *mosgos (ср. авест. mazga-, прагерм. *mazga- то же), *myzda < *misdh- (ср. др.-инд. miḍhám, авест. miḍəm, осет. mizd, гор. mizdō, др.-греч. μιθός), *gnězdo < *ni-sd- (ср. др.-инд. nīdā-, лат. nīdus, арм. nist, др.-в.-нем. nest), *gvorzb < *gʷos-d- (ср. ср.-в.-нем. quasite), *grozdb < *ghras-d(h)- (ср. др.-в.-нем. gras).

Количество слов со звонким аллофоном и.-е. *s- в позиции перед звонкими согласными действительно можно увеличить, используя данные ЭССЯ: *drozdb и *drozdbъ из *drozd-os, *drozgati, *drozga, *droždž-j- из *drozg-/*drosk-, *druzgati,

*dryzgati, слово звукоподражательного происхождения *dъždъž из *duzg- (ЭССЯ 8, 126–129, 133–134, 145, 195–197), и многие другие. Ниже рассматривается и проблемная реконструкция *nozdrī < *nos-srī (ЭССЯ 26, 16).

Автор пособия приходит к заключению: “возникновение звонкого аллофона *z фонемы *s можно объяснить тем, что аллофон *s, представлявший фонему *s исключительно в любой позиции, в определенной фонетической позиции – позиции перед звонкими согласными – стал звучать, как *z”. Звонкий аллофон употреблялся только в сочетаниях -zb-, -zd-, -zg- и только во внутренних слогах.

Для автора пособия важно, что звук *z в этих словах, которые лингвисты связывают с “законом Цупицы”, возник раньше звуков *s из и.-е. *k', *z из и.-е. *g', *g'h, так как вторичный звук *s из и.-е. *k' не подвергался озвончению. Закон Цупицы старше сатемизации.

Фонема *s кроме звонкого аллофона могла иметь в протославянском диалекте и другой аллофон – лабиализованный *s#. Автор приводит два очевидных примера: праслав. *ses̥tra < *sъe-sr-a ‘женщина своего рода’ (ср. др.-prus. *swe-stro*, др.-в.-нем. *swester*, лат. *soror* ‘сестра’, но *socer* ‘свекр’) и юж.-слав. *svra-ka < *svārka (ср. русск. *сорока*). Вопрос о том, унаследовал ли протославянский диалект из праиндоевропейского языка лабиализованную фонему *s# или в этом диалекте возник позиционный вариант *sº (= *s#) фонемы *s, остается открытым.

К сожалению, автор пособия не обратила внимания на вероятность существования в протославянском диалекте и особого палатализованного аллофона *s̥, унаследованного из вост.-и.-е. праязыкового состояния (как в индоиранском) и отразившегося в тенденции перехода *s в *š перед узкими гласными переднего ряда (i, ь) и йотовым согласным (-j-, '-'). Тем более, что далее (с. 142) рассматривается реконструкция гл. *шить* и появление шипящего после и перед звуками переднего образования (с. 204–207). Эта интересная проблема осталась без рассмотрения в связи с отказом от реконструкции палатального ряда гуттуральных в и.-е. праязыке (см. ниже).

Глава 2 посвящена обзору системы вокализма протославянского диалекта, унаследованной им из позднего праиндоевропейского языка. В подглаве “Гласные-монофтонги” приведена реконструкция 5 пар основных средне-широких гласных фонем: *ě (praslav. *berq, *medъ), *ē (*dēti, *sētē), *ō (*dōtъ, *ōkō), *ō (*darъ), *ā (*orati, *otъsъ), *ā (*bratъ, *mati, -ere). В пособии разделяется точка зрения И.М. Тронского, согласно которой нельзя изъять гласный ā из исходного вокализма протославянского диалекта и.-е. праязыка. Рефлексы узких и.-е. гласных иллюстрируются в пособии следующими примерами: *i (jestъ, jestъ, *oъvса), *i (*griva), *ū (*dutmъ, *suptъ). Пример на краткий *ī на с. 121 сомнителен ввиду позднего переоформления (флексия -ъ) слова (и.-е. *sūnīs). Здесь более уместными оказались бы примеры на корневой *ī (типа *dъbno).

Проблема реконструкции редуцированных гласных *ě (ě₁) и *ā (*ě₂) рассматривается особо. Автор считает, что оснований для реконструкции данных фонем в протославянском диалекте нет, и не приводит примеров, тем более что их различная интерпретация с дидактической точки зрения представляет значительные трудности. Мы также полагаем, что в примерах, где предполагаются праиндоевропейские гласные неопределенного качества, отсутствует гармония звуковых соответствий. Тем не менее, своеобразная настроенность и.-е. консонантизма на “лабиализованность” или “палатализованность” (ср. k – k#, k̥, и даже s – s# – s!) позволяет поставить вопрос о связи праславянских редуцированных *ě и *ā с и.-е. предшественниками-аналогами *ě₁ и *ě₂. Проблема реконструкции редуцированных гласных “переднего”, “среднего” и “заднего” образова-

ния весьма актуальна как для поисков истоков праславянской фонологии, так и для осознания гармоничности фонологической системы и.-е. прайзыка.

В подглаве “Дифтонги” последовательно рассматривается реконструкция нисходящих дифтонгов в протославянском диалекте и.-е. прайзыка. Здесь утверждается, что протославянский диалект унаследовал из позднего и.-е. прайзыка 12 дифтонгов (б с *j и б с *u), которые образовывали закрытые слоги или входили в их состав. К сожалению, проиллюстрированы только рефлексы *ēj, *ēj (*bii < *bhējēj, *iī < *ējēj, *liti < *lejēj, *piti < *rejēj), *ōj (*cēlъ* < *kōjūls), *ōu (*uxo < *ouhos < *ōusōs-) без примеров на *āj, *ōu, *āj, *āj. Справедливо отмечается, что дифтонги сохраняли свою слоговую целостность только в положении перед согласным. А в положении перед гласным дифтонги подверглись разложению на монофтонги (слогообразующий элемент дифтонга *e, *a, *o) и согласные *j*, *v* (глайды *j, *u). Ср праслав. гл. *kovati < *kā-vā-tēj < и.-е. *kōj-ā-tēj, а также многочисленные примеры типа *петь – пою*, *ковать – кую*, *рисовать – рисую*. Тем не менее, автор пособия считает нисходящим дифтонгом сочетание слогового гласного с последующим неслоговым и в позиции перед гласными, несмотря на то, что спаянность компонентов дифтонга в данной позиции менее тесная, чем в позиции перед согласными.

Проблема реконструкции восходящих дифтонгов в протославянском диалекте решена в пособии отрицательно. Автор считает восходящие и.-е. дифтонги обычными источниками образования праславянских звуков *u и *j (русс. *веду, везу, вера, яра, зверь, двор, тварь и творить, грифа, весь, шить*).

В подглаве “Дифтонгические сочетания” идет речь о соединение гласных с плавными и носовыми сонантами в пределах одного закрытого слога. Автор приходит к выводу, что только в позиции перед согласными и на конце слова звукосочетания *el, *ol, *al, *er, *or, *ar, *em, *om, *am, *en, *on, *an (с кратким и долгим слогообразующим) были дифтонгическими (отсюда их особая рефлексия: *путь, время, семя*). В положении перед гласными они были исконно простым соседством звуков, разделенных слогоразделом (*семена, времена*).

Попутно заметим, что слав. *мать, матери* может представлять собой пример отражения ДС *-ēr на конце слова и *-ēr- перед гласным: и.-е. *mātēr, **mātēr-* > протослав. *mātēj, **mātēr-* > праслав. *mati, *matere (ср. иное развитие и.-е. *sēmēn, **sēmēn-* > протослав. *sēmēn, **sēmēn-* > праслав. *sēmę, *sēmene). То есть, и.-е. дифтонгическое сочетание -ēr в конце слова перешло в протославянском диалекте в дифтонг -ēj, закономерно стянувшись впоследствии в -i (или сразу в узкий монофтонг с тоном, ср. лит. *mōtē*, *mōteiš*, др.-инд. *mātā*, *mātār*-?) Аналогично, праслав. *bratъ, *bratrъ не являются собой результат диссимилиации обобщенной основы косв. падежа, а отражают развитие праслав. ДС *-ōr в конце слова (*ōr > *ōi-? > *v): *bhrātōi, **bhrātr-* > и.-е. *bhrātōr, **bhrātr-*. (ср. др.-инд. *bhrātā*, авест. *brātar-*, др.-греч. *φράτωρ*). Подобное развитие является собой и праслав. *kamъ, *kamene, где финаль -у, видимо есть результат развития конечного *-ōn, т.е. праслав. архетип *akmōn, **akmen-* (ср. авест. *asman* ‘камень’, *asmana-* ‘каменный’, лит. *aktiōb*, *akteišs* ‘камень’ и *āšmens* мн. ‘лезвие’).

Таким образом, приходим к заключению, что ДС праславянского диалекта *-ēr, *-ōr, *-ēn, *-ōn на конце слов вели себя как подлинные дифтонги и монофтонгизировались соответственно в праслав. *-i, *-v, *-e, *-u. Эти необычные метаморфозы (*ōn > *u, а не **q!*), помогают прояснить происхождение корневого вокализма таких слов как *myslb (< **mōndh-slū-*), *mysъ (< *mōnts), *ryba (< *rōmba)⁴. “Нерегулярные” рефлексы предполагавшихся дифтонгических сочетаний в позиции перед согласным могут быть объяснены смещением просо-

дических признаков на уровень гласных. Это регулярные рефлексы, закономерность которых еще не познана до конца.

Далее во второй главе пособия обсуждается цементирующая и системоорганизующая роль среднешироких гласных *ō, *e, *a в системе вокализма протославянского диалекта и затрагивается трудный вопрос о фонемном статусе дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Констатируя неоднозначность в решении названной проблемы, автор справедливо утверждает, что для эволюции дифтонгов и дифтонгических сочетаний как структурных элементов начальной системы вокализма протославянского диалекта важна их слоговая целостность в пределах одной морфемы.

В заключительных частях 2-й главы рассматриваются проблема совпадения и.-е. *ō и *a, вопрос о качестве праславянского гласного, в котором совпали и.-е. *ō и *ā (краткие), вопрос о качестве праславянского гласного, в котором совпали и.-е. *ō и *ā (долгие), вопрос о времени и соотносительности совпадения и.-е. *ō и *a. В результате рассмотрения различных ответов на все эти вопросы, автор приходит к заключению, что процесс слияния праиндоевропейских *ō и *a (как гласных-монофтонгов, так и в составе дифтонгов и дифтонгических сочетаний) проходил в течение очень длительного времени поэтапно, а начало этого процесса можно относить к протославянскому периоду.

Глава 3 озаглавлена “Система сонантизма протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка” и начинается с определения двойственной природы сонантов, играющих двоякую роль гласных и согласных. Автор выделяет следующие формы сонантов в протославянском диалекте: 1) неслоговые сонанты (м. б., лучше сонанты) *j, *ç (гласные и согласные); 2) неслоговые согласные плавные (*r, *l) и носовые (*m, *n) сонанты; 3) слоговые гласные плавные (*r₁₋₂, *l₁₋₂) и носовые (*m₁₋₂, *n₁₋₂) сонанты.

Затем в пособии рассматриваются рефлексы неслоговых сонантов *j, *ç, которые выполняли функцию согласных в позиции перед гласными (и.-е. сонант *ç перед неслоговыми плавными *r, *l в праславянском не отразился). Неслоговые сонанты r, l, m, n перед гласными также играют роль согласных. Их рефлексы в позиции начала слова, между гласными и после согласного перед гласным иллюстрируются очевидными примерами (с. 172–175). Похоже, автор верно подметил уязвимость реконструкции праформы слова “огонь” *ognis (ср. хетт. agniš, др.-инд. agnīh, лит. ignis, лат. ignis). Но в случае невозможности реконструкции *n в начале слова, приходится допустить наличие здесь того самого редуцированного гласного *ə “переднего”, “среднего” или “заднего” образования (ср. с. 123–126).

В пособии реконструируется 16 слоговых гласных сонантов, которые противопоставлялись друг другу по долготе/краткости, по ряду (переднему/непереднему) и по интонации (акут и циркумфлекс). Особо отмечается значимость дифференциального признака “переднерядность – непереднерядность”, по которым можно объяснить двойную рефлексацию. Все это подразумевалось в индоевропеистике и славистике давно, но так системно излагается впервые. Мы предположили бы существование в протослав. диалекте еще 4-х слоговых гласных сонантов без интонации (без тонального ударения). Они дали особые рефлексы.

Наиболее вероятным представляется реконструкция восходящего тона (акута) над долгими слоговыми сонантами и нисходящего тона (циркумфлекса) над краткими, что также явно отражено в рефлексах. Отметим важное для нас замечание о том, что литовское ударение, в целом соответствующее праславянскому, вообще обратно по направлению движения тона в последнем.

Далее в пособии рассматриваются позиции, определяющие фонемный статус слоговых согласных сонантов. Среди примеров, особое внимание уделено проблеме реконструкции архетипа для слова *имя* (< *n̥₁m̥₁). Можно согласиться с автором в отношении реконструкции краткого носового слогового сонанта переднего образования в позиции конца слова *n̥₁m̥₁, что позволяет включить в круг генетически родственных лексем др.-инд. *nāta*, др.-греч. ὄνος, лат. *nōtēp*, *nōtīnīs*. В позиции конца слова особенно пристально рассматриваются рефлексы протославянского *ṇ₁, который явился источником образования в праславянском гласного *-ь. Природа начального звука обсуждается во 2-ой главе 2-ого раздела (с. 288, 292). В завершении дается обзор фонологической системы консонантного типа протославянского диалекта в условиях свободного построения слова.

В целом, система сонантов протославянского диалекта и.-е. праязыка, как она реконструируется в данном пособии, вполне приемлема как для дидактики, так и для этимологии.

Процесс вокализации слоговых сонантов в протославянском диалекте детально рассматривается во 2-й главе 2-го раздела пособия. Сущность процесса вокализации заключается в утрате слоговости этими сонантами, в появлении перед ставшимися неслоговыми сонантами узких и только кратких гласных *ɪ и *ÿ. Весьма похожий процесс вокализации проходил в протобалтийском,proto-албанском, фракийском, дакийском, пеласгическом, а в др.-индийском – в позиции перед гласными. Далее подробно рассматриваются фонетические позиции, в которых происходил процесс вокализации слоговых сонантов. Автор затрагивает гипотезу Л.Г. Герценберга о преформантах и.-е. корня. Предлагаемые объяснения данному явлению нас не удовлетворяют. Мы склоняемся к мысли о просодическом происхождении преформантов (особые случаи перехода просодических элементов на уровень консонантизма).

Двойная рефлексия (вокализация) сонантов объясняется наличием в протославянском диалекте слоговых гласных сонантов переднего и непереднего (добавим – огубленного) образования. До вокализации интонационное различие зависело от долготы или краткости слогового сонанта, а после вокализации это различие стало смыслоразличительным (дифференциальным) признаком. Подобные поздние рефлексы кратких сонантов на фоне рефлексии в виде гласного *a* в греческом, иранском и индийском языках, а долгих сонантов – на фоне рефлекса *ā* в индоиранских – принимается автором пособия за убедительный аргумент в пользу признания гласных носовых сонантов самостоятельными фонемами в протославянском диалекте.

К иллюстративному материалу замечаний мало: -f- в прагерм. *wulf- не относится к “незакономерно возникшим звукам”. Эта фонема появилась закономерно из *kʷ- в части и.-е. протодиалектов (в континентальных кельтских), ср. еще лат. *vulphex*, греч. ἀλόπτηξ. И.-е. праформа: *ulκʷos однокоренная слав. глаголам *влечь* – *влеку*, *волочить* – *волоку*.

Второй раздел, озаглавленный “Фонетические процессы протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка”, посвящен фонетическим мутациям прай.-е. фонем, приведшим к возникновению фонем праславянского языка.

Глава первая исследует происхождение фонемы *x в результате мутации и.-е. *s в *h в определенных фонетических позициях. Установленные закономерности фонетических изменений и приведенные примеры никаких замечаний не вызывают. Далее подробно рассматривается гипотеза А. Мейе и Я. Отрембского об изменении *s в *h через промежуточную стадию *χ и дополнительно

аргументируется гипотеза С. Бернштейна о непосредственном изменении **s* в **h*. Нам представляется весьма желательным обобщение данных ареального и.-е. языкоznания (ср. протекание подобных фонетических мутаций в ареале иллиро-кельтских языков Верхнего Дуная [**sal-* > *hal-*], в ареале греческого языка [**sal-* > *hal-*], в ареале иранских языков [**sar-* > *har-*], в ареале балтийских языков [**yrl̥sus* > *viršūs*], в ареале индийских языков [**-s-* > *-s-*]). На вопрос об артикуляционном механизме данной мутации дается несколько ответов.

В связи с этим еще раз затрагивается вопрос о процессе вхождения фонемы **s* в систему консонантизма с точки зрения диахронической фонологии. Автор приходит к выводу, что, как в вопросе мутаций **s* > **z*, **s* > **sw*, в данном случае речь идет об аллофонном характере дивергенции **s* > **s* и **s* > **h*. Автор приходит к важному выводу о том, что фонетические законы имеют отношение лишь к фонетике, к аллофонному варьированию фонем в зависимости от определенных фонетических (позиционных) условий. И в этом смысле фонетические законы непреложны в эпоху своего действия. Процесс мутации *s* > *h* протекал после окончания процесса сатэмовой палатализации, но до конца процесса монофтонгизации дифтонгов и упрощения групп согласных (*bs* > *s*, *ps* > *s*, *ds* > *s*, *ts* > *s*), разрушения дифтонгического сочетания **or*. Особо отметим положение о том, что именно в протославянском диалекте (в отличие о протобалтийского иprotoиранского) процесс перехода **s* в **h* был наиболее активным (с. 207).

Далее автор рассматривает унифицирующую роль аналогии в завершении процесса фонологизации **x* как самостоятельной фонемы, роль заимствований в этом процессе. Особое место в пособии уделено проблеме генезиса начально-го **x* < **s-* в славянских языках, в частности сущ. **xodъ*. Отметим очевидные лексические слав.-греч. изоглоссы **xodъ* – *όδος*, **perxodъ* – *πέρασθως*. Подозреваем в данном случае не внутриславянское развитие, а заимствование из “данайского” адстрата (и.-е. **sodos* > данайск. **hodos* ‘путь для перемещения сидя верхом или в повозке; один дневной переход сидя верхом или в повозке’), ставшее общим лексическим достоянием как протославянского, так и протогреческого диалектов.

Подозреваем сходную судьбу праслав. **xlamъ* из **slōm-*, **xmitъ* из **smour-*, **xtužъ* из **smūg-*, **xortъ* из **sormo-*, **xotěti* > **svot-*, **xromъ* > **srōt(?)*, **xoula* > **swoula*, **xusta* > **swoutta*, **xvala* > **svôla*, **xvatati* > **svōt-*, **xvějati* > **svoi-*, **xvistati* > **svistati*, **xvorati* > **svor-*, **xvostъ* > **svot-t-*, **xъrtъ* > **sř̥tos*, **xъtěti* > **sut-*, **xugъ* > **sūr-*, **xytrъ* > **sūt-r-* и др. Попутно, можно заметить, что мутация начального и.-е. **s-* в праслав. **h-* (под действием последующего просодического признака, ларингала?) и мутация по закону Х. Педерсена (под действием качества предшествующих согласных?) протекали в разное время. Здесь же обозреваются другие источники (кроме **s*) происхождения слав. звука **x* (**ks*, **sk*).

З-я глава второго раздела “Сатэмовая палатализация гуттуральных в протославянском диалекте” посвящена детальному рассмотрению процесса палатализации звуков как общефонетического явления. Касаясь параграфа 3.2 “Сущность сатэмовой палатализации гуттуральных”, заметим, что в протославянском, протобалтийском иprotoиранском (в отличие от protoиндийского) оппозиция придыхательных и непридыхательных гуттуральных уже нейтрализовалась (если вообще существовала?). Примеры сатэмовой палатализации гуттурального **k* в целом убедительны. Но как объяснить палатализацию **k* в случае и.-е. **oktō* > др.-инд. *asṭā*, *asṭama-*, праслав. **os[t]mb-*, и.-е. **ekwos* > др.-инд. *asvah?* Видимых причин для палатализации не наблюдается и в рефлексе и.-е. **gnō-*

праслав. *zna- . Похоже, в данных случаях причиной палатализации гуттурального явился некий просодический элемент, перешедший на уровень консонантизма.

Относительно фонетических процессов, приведших к появлению праслав. **z̥tio*, автором верно подмечено, что безударность рефлекса **z̥* из и.-е. **t̥* в составе ДС **z̥t̥-* в позиции перед согласным **t̥* не привела к образованию ожидаемого носового гласного *ɛ. Вообще-то, рефлекс корневого -*z̥-* скорее свидетельствует о первичном носовом гласном сонанте непереднего ряда (ср. гор. *hund*-) без тона. Иными словами, причиной палатализации гуттурального вновь является не передний ряд последующего гласного, а какой-то просодический элемент, вызвавший мутацию гуттурального.

В этой связи представляется необоснованным объяснение др.-инд. формы *hṛd-* ‘сердце’ “частичным изменением способа артикуляции согласной”⁵. Здесь действовала та же просодическая причина (с учетом греч. *καρδία*, лат. *cor*, *cordis*, гор. *haartō*).

Далее приведены примеры, когда палатализация гуттурального произошла под воздействием гласного переднего ряда, отделенного от гуттурального неслоговыми сонантами (святой, свет, слово). Интересен подраздел 3.4, где изложена концепция стадиальности процесса сатэмовой палатализации гуттуральных. В частности, приводится мнение О.Н. Трубачева о том, что смычна аффриката *s утратила смычный элемент и дала *s около начала нашей эры.

Много места в параграфе 3.5. “Сатэмовая палатализация гуттуральных *g и *gh” уделено рассмотрению фонетических процессов, приведших к появлению праслав. **z̥ełь* (с. 333–340). Встречающиеся здесь и в других главах ссылки на возникновение новых звуков “нефонетическим” путем излишни. Такому многоопытному фонологу, каким без сомнения является проф. В.А. Маслова, безусловно, известно общеметодологическое наблюдение: то, что на первых порах представляется незакономерным, со временем оказывается закономерным. Дело заключено в степени познания данной закономерности.

Обзор примеров на рефлексы гуттурального *gh наводит на размышления по поводу происхождения балт. *sansy*, *žqſls*, *zōss*, *zūoss*, продолжений и.-е. *ghan-sis. Далее рассматривается положение о том, что так называемые “палатализованные” гуттуральные являются аллофонами велярных фонем в определенных позициях. Это положение, в сущности, можно принять, но остается немало примеров, которые ждут еще своего объяснения. Согласно нашим наблюдениям, “палатальные” гуттуральные были возможны в любой позиции, а не только перед гласными переднего ряда в формах аналогического происхождения. Если же оставаться на позиции автора пособия и отрицать существование особого палатального ряда гуттуральных фонем, то трудно объяснить случай *berza, *berzъ и т.п. Приходится допустить, что *berza происходит из *berzē (ср. иное в акцентологическом отношении, но с тождественной флексией лит. *bîržē*), а *berzъ (ср. лит. *béržas*) – результат позднейшего переоформления другой флексией (-*ъ*) основы с уже палатализованным исходом.

Возникновение унифицированных спирантов *s₂ и *z₂ в лексемах типа *нести*, *везти*, *резать*, *писать* автор объясняет вслед за В.И. Георгиевым действием закона унификации корня (или основы) или нормализации парадигмы. Этот раздел книги несколько выходит за рамки поставленной темы (фонологии), как посвященный проблемам фономорфологии. Далее автор подробно рассматривает проблему “непоследовательной сатэмности” в лингвистике и последствия сатэм-палатализации гуттуральных, в частности возникновение новых оппозиций *s : *z, *s : *h, делабиализацию лабиовелярного ряда гуттураль-

ных, утрату избыточного признака придыхательности (по моему мнению, его никогда не было в протославянском с момента выделения последнего из вост.-и.-е. прайзыка).

Отметим далее положение автора пособия о том, что нельзя исключить связь элиминации и.-е. *s-mobile с падением конечного *-s*, столь характерным для праславянского языка. Особенности изменения праслав. *čerda хорошо объясняются относительно поздним заимствованием этого слова из кельтских языков (*kerda).

В параграфе об изменении *m в *n в любой позиции говорится о том, что этот процесс каким-то образом связан с делабиализацией лабиовелярного ряда гуттуральных и делабиализации гласных *ő. Согласно В.К. Журавлеву⁶, дифференциальный признак лабиальности, став интегральным, трансформировался в признак дентальности, который из интегрального превратился в дифференциальный.

Много внимания и места удалено рассмотрению начала процесса делабиализации *ő в его взаимосвязи с процессом лабиализации *ě > *ő в составе дифтонга *ěć. Автор приходит к заключению, что состояние всей протославянской фонологической системы свидетельствует об элиминации в частной системе консонантизма признака лабиальности как дифференциального и зарождении тенденции к утрате его в частной системе вокализма. После сатэм-палатализации в протославянском диалекте происходил обратный процесс лабиализации дифтонга *ěć перед гласными непереднего ряда. Далее детально рассматриваются этимология слова *язык* (в связи с *эъвати, зову*) (с. 410–415).

В Заключении автор подводит итоги рассмотрения всех фонетических процессов протославянского языкового состояния и приходит к заключению, что новая фонологическая система, сложившаяся в конце протославянского периода, явилась исходной для начального периода праславянского языка.

Заканчивая обзор данного учебного пособия, отметим как его слабые, так и сильные стороны.

К нашему сожалению, в пособии не нашлось места для раздела, посвященного чередованию звуков (типа *тварь* и *творить*). Такой раздел крайне необходим, об этом явлении нельзя говорить походя (с. 141).

Не стоит нарочито документировать (с. 119, 174 и др.) очевидные вещи цитатами из работ Черных, Откупщикова, Фасмера (все их и.-е. реконструкты восходят к словарям Покорного и др. предшественников). Нет необходимости бесконечными ссылками на словари Черных (прим. 113, с. 61: “неслучайно Черных реконструирует!”), Срезневского (фиксация слова *гнѣздо* – лишнее, только отвлекает, с. 98), иногда на издания рукописей (Супрасльской, например!) усложнять научный аппарат учебного пособия, отвлекая внимание студентов от существенных положений и примеров. Так же не уместно говорить об утрате конечного *-i* в лат. *est-* в прим. 15 на с. 112.

Отметим некоторые шероховатости текста. Там где речь идет о не внутренней реконструкции, лучше применять термин “внешняя реконструкция”. Надо бы пояснить, что понимается под звукоподражательным характером (с. 20 и др.). Часто встречающийся оборот “фиксация” или “фиксирует” в отношении и.-е. корня (лексемы) не корректен.

Грубая ошибка вкрадлась в текст на сс. 112 и 120: лит. *ěsti* (< *ēd-ti) и лат. *est* (< *es-i) не имеют ничего общего между собой. Лит. пример выпадает из цитируемого ряда и.-е. слов.

Следует отметить похвальную акрибию в передаче сложной диакритики. Случаи опечаток в реконструктах и формах различных и.-е. языков единичны:

должно быть **želězo* (с. 12), *kʰlo*, *k'о* (с. 82, сноска 116), *Úvod* (с. 147, 193), *váršman* (с. 200)... На с. 115 желательно привести формы *коуќ*, *ковќ*.

Безусловно, к положительным качествам данного учебного пособия относится обильное цитирование трудов известных лингвистов по тому или иному вопросу. Богатство собранного материала выдает многолетнюю работу автора по сбору и систематизации цитат и наиболее рациональному сведению их в дидактические тексты.

Собранный и дидактически изложенный в пособии языковой материал может стать полезным знанием, как у студентов-славистов, так и русистов. Но отсутствие общего списка цитируемых трудов в данном пособии нельзя одобрить. Цитируемые работы даны в примечаниях внизу страниц, что сильно затрудняет поиск прежде упомянутых публикаций. Поиск библиографических описаний приходится вести либо посредством именного указателя, либо перелистывая десятки страниц.

Рецензируемая книга – бесценный подарок студентам-филологам, начинающим лингвистам, не имеющим возможности отыскивать искомые пассажи в лингвистических трудах (нередко, труднодоступных) в условиях современно-го ускоренного жизненного ритма и лавинного потока разнообразной информации.

Примечания

¹ Тронский И.М. Древнегреческое ударение. Л., 1962; *Он же*. Общеиндоевропейское языковое состояние: (Вопросы реконструкции). Л., 1967; Дыбо В.А. Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Проблемы реконструкции (тезисы докладов конференции). М., 1978, с. 56–61; *Он же*. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука, 1980, с. 96–98.

² Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков. М.; Л.: Наука, 1966; Клычков Г.С. Консонантизм и структура слова (развитие системы шумных в индоевропейских языках) / Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1967.

³ Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Отв. ред. С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1981. 200 с.

⁴ Топоров В.Н. Из праславянских этимологий // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 5–11; *Он же*. К этимологии слав. **mysl* // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 5–13; ЭССЯ 21, 50.

⁵ Герценберг Л.Г. Теория индоевропейского корня сегодня // ВЯ. 1973. № 2. С. 104.

⁶ Журавлев В.К. Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния // Известия на Института за Български език. Кн. 14. София: БАН, 1967. 34–35; *Он же*. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986₁, 174.